

Н.А. Иванова

ПЬЕР БУРДЬЕ О НАУКЕ КАК ПОЛЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА И РОЛИ HABITUS' А В НЕМ

Предпринимается попытка рассмотреть предложенную Пьером Бурдьё трактовку науки как поля символического производства, в рамках разработанной им теории практики. Вслед за Бурдьё ставится задача выявить условия возможности научного знания, при которых оно возникает и получает признание. Выдвигаются критические аргументы, относящиеся к разработанному Бурдьё понятию «habitus».

Ключевые слова: поле науки, символическое производство, научные практики, габитус, стратегии, диспозиции.

Данное исследование лишь один из способов прочтения работ Пьера Бурдьё, которые, как известно, с одной стороны, характеризуются теоретическими и абстрактными размышлениями, с другой - богатством эмпирического материала. Центральной темой при этом будет выступать трактовка Бурдьё науки как поля символического производства, где наряду с понятиями «поле», «символическое производство», «капитал» значительную роль играет концепт «габитус».

Попытку описать закономерности функционирования науки Пьер Бурдьё предпринимает в работе «Поле науки», где в соответствии с традицией, заложенной Карлом Мангеймом, ставит задачу выявить социальные условия и порождающие механизмы, обеспечивающие появление научных истин, и исходит из постулата, согласно которому природа научной истины как специфического продукта научной практики заключена в «особом роде социальных условий производства, а точнее, в определенном состоянии структуры и функционирования научного поля» [1. С. 15]. Тем самым Бурдьё предлагает отказаться от представления о науке как сфере, подчиняющейся внутренним имманентным законам, и о научном сообществе как преследующим «чистую истину». Идее «незаинтересованной научной практики» Бурдьё противопоставляет утверждение о том, что «само функционирование научного поля производит и предполагает специфическую форму интереса...» [Там же. С. 16]. В этом отношении его воззрения близки позиции Юргена Хабермаса, утверждающего существование трех познавательных интересов: «информации, которая расширяет власть нашего технического контроля; интерпретации, которые делают возможным ориентацию действия в рамках общих традиций, и анализа, который освобождает сознание от зависимости от неких объективных сил» [2. Р. 314]. Бурдьё полагает, что реальная научная практика не соответствует традиционным представлениям о ней, так как не является системой норм и ценностей, которые научное сообщество как недифференцированное множество «внушает и навязывает» своим членам, а к революциям способны лишь те, кому не удалось пройти нормальную научную социализацию. Научные практики, считает Бурдьё, ориентированы на достижение научного авторитета, поэтому следует избегать рассматривать их только лишь в «интеллектуальных» категориях либо в «политическом» измерении. Так, например, борьба за получение грантов всегда сопровождается демонстрацией научной

компетенции, а эпистемологические конфликты одновременно являются конфликтами политическими. Следовательно, при анализе научного поля невозможно говорить о сверхдетерминации и проводить различие между чисто научными и чисто социальными обусловленностями, так как различие внешнего и внутреннего носит, по убеждению Бурдьё, искусственный характер. Адекватная реконструкция научной практики и ее анализ могут быть осуществлены лишь при условии отказа от абстрактной оппозиции внутреннего и внешнего. В силу этого необходим отказ от традиционного представления, согласно которому эпистемология отражает логику порождения наукой своих собственных проблем, а внешний анализ выявляет социальные условия, с которыми данные проблемы соотносятся. Бурдьё утверждает, что сама специфика поля науки предписывает исследователю всегда соотносить между собой политические и научные стратегии, начиная с выбора области исследования и используемых методов до выбора печатного органа. Согласно теории Бурдьё научный авторитет представляет собой особого рода социальный капитал, который при соблюдении определенных условий может накапливаться, передаваться и даже преобразовываться в другие виды капитала. Специфика данного вида капитала обусловлена высокой степенью автономии научного поля и заключается в том, что признание результата возможно лишь благодаря другим производителям, которые, будучи конкурентами, не расположены признавать его без дискуссий и испытаний, потому что именно они обладают средствами овладеть и оценить по достоинству данный символический продукт. Особенностью поля науки является также тот факт, что в нем, с одной стороны, невозможно дистанцироваться от уже признанных предшественников, с другой - необходимо интегрировать их вклад в конструкции, превосходящие их или отличающиеся от них.

Тексты Бурдьё содержат идею о том, что научное поле, с одной стороны, обладает общими чертами с другими социальными полями (механизмы капитализации и доминирование, профессиональная логика, конкурентная борьба, наличие стратегий и др.), с другой - обнаруживает автономию и специфичность данного типа социальной игры, так как все силы в ней направлены на установление истинной идеи. И именно это делает возможным появление научных истин, относительно независимых от социальных условий их производства. Проводя аналогию между географическим и социальным пространствами, Бурдьё доказывает, что структуру поля науки определяет соотношение сил между агентами, которое, в свою очередь, есть результат предшествующей борьбы. Рассматривая социальные институты не субстанционально, а как отношения или конфигурации между индивидуальными и коллективными субъектами, Бурдьё полагает, что в ходе истории сферы социальной жизни постепенно становятся автономными, приобретая отношения, средства и цели, присущие тому или иному полю. Опираясь на идею Маркса о том, что общество есть совокупность силовых отношений между классами, находящимися в состоянии борьбы, Бурдьё считает, что отмеченное неравномерным распределением средств поле становится одновременно полем сил и борьбы между доминируемыми и доминирующими. Концепт «поле» в отличие от понятия «система» подчеркивает то обстоятельство, что само определение поля, его границ и членство в нем всегда есть составная часть этой борьбы,

так как любое поле обладает специфическим механизмом капитализации характерных для него легитимных средств. В отличие от Маркса, выделяющего только один вид капитала – экономический, Бурдьё настаивает на существовании множества капиталов, что позволяет рассмотреть общество как многомерное пространство. Если теоретически структура поля может меняться в пределах двух форм: ситуации монополии научного авторитета и ситуации идеальной конкуренции, то в действительности оно есть место неравной борьбы между агентами, неравным образом наделенными специфическим капиталом. Подобно любому другому неоднородному социальному пространству, полю науки противопоставляются доминирующие, занимающие более высокие позиции, и доминируемые, чьи научные ресурсы зависят от общего капитала, накопленного в поле. Бурдьё полагает, что по мере роста накопленного капитала и возрастания платы за вход степень однородности поля возрастает, а следовательно, уменьшается вероятность коренных революционных перемен, которые сменяются многочисленными незначительными перманентными революциями. Между структурами и стратегиями, присущими социальному пространству, существует диалектическая связь. Стратегии, с одной стороны, зависят от структуры поля, поскольку обусловлены позицией, их породившей. С другой – заложенные в свойствах позиции, они выступают порождающим механизмом трансформации структуры поля науки. Бурдьё выделяет две основные стратегии – преемственности и подрыва [1. С. 32]. Стратегия сохранения или преемственности установленного порядка характерна для доминирующих. Порядок же включает в себя совокупность объективированных и инкорпорированных научных ресурсов, а также совокупность институтов, отвечающих за производство, воспроизводство и обращение научных благ, производителей и потребителей. Речь идет об институте образования, инстанциях, обеспечивающих признание (советы, академии, премии и т.д.), а также инструментах распространения символического капитала (журналы, издания). Стратегии доминируемых же зависят в первую очередь от их позиции в структуре поля, а также от социальной траектории, диктующей оценку шансов, и могут быть ориентированы либо на преемственность, либо на подрыв. Последняя стратегия более рискованная, и, как правило, более дорогостоящая, так как предполагает переоценку господствующих принципов легитимации, против которой выступает вся логика системы. То, что часто трактуют как конфликт поколений, Бурдьё раскрывает как форму новой легитимности, выступающей альтернативой господствующему порядку. Он делает предположение, что склонность к той или иной стратегии тем менее зависима от диспозиции, чем более автономен установленный порядок от общего контекста социального пространства, в которое он вписан.

Французский исследователь задает вопрос: «Какие социальные условия должны быть выполнены для того, чтобы установилась такая социальная игра, в которой истинная идея обладает силой, поскольку те, кто участвует в игре, имеют свой интерес к истине, а не – как в других играх – истину своих интересов?» [Там же. С. 35]. Или, другими словами, «каковы социальные условия возможности развития науки, свободной от внешнего принуждения и социального заказа, если известно, что в этом случае прогресс в направлении научной рациональности не является прогрессом в направлении политиче-

ской нейтральности?» [Там же. С. 42]. Во-первых, как было указано выше, этим условием выступает относительная автономия поля науки, которая делает возможным «постоянное переопределение целей», т.е. изменение научного интереса от условно «незаинтересованного» до его частных форм. Именно этим объясняется категорическое требование независимости поля науки от других полей. И только в этом случае стратегия подрыва не будет революцией против институций, не будет иметь лишь политический эффект и инициироваться только «обездоленными». Вторым условием является высокая «цена» за вход, требуемая для освоения накопленных научных ресурсов и получения доступа к научному инструментарию, что способствует равномерному распределению символического капитала между конкурентами. Оснащенность системой инструментов, обеспечивающих эффективность и универсальность полемических аргументов, обеспечивает преодоление частного интереса отдельного агента и его трансформацию в «чистый» научный интерес. Еще одним условием возможности науки является объективное согласование практических схем, представляющих как совокупность допущений, составляющих основу научного консенсуса, изменяющихся в зависимости от степени автономии поля от внешнего социального пространства. Теоретически, как было уже указано выше, поле науки можно разместить между двумя его формами. С одной стороны, той, где истина предстает как выражение интереса доминирующих, т.е. легитимно навязанный культурный произвол, с другой – как пространство, откуда социальный и культурный произвол исключен, а специальные механизмы обеспечивают необходимость и объективность научного дискурса. При этом в первом случае возникает вопрос о степени произвола научных верований как совокупности допущений относительно в первую очередь интереса доминирующих как внутри поля науки, так и вовне.

Бурдьё полагает, что поле социальных наук не может достичь той степени автономии по отношению к внешней борьбе, которая характеризует поле наук естественных, так как, отвечая за легитимное видение социального мира, оно непосредственно связано с полем политики, поэтому тенденция к автономии всегда наталкивается на препятствия со стороны политического поля. Тем самым он подвергает критике идею «нейтральности социальной науки», которую оценивает как небескорыстную фикцию, позволяющую выдавать за научные господствующие представления о социальном мире. В действительности социальная наука обеспечивает поддержание установленного порядка, и даже в том случае если ей удастся осуществить борьбу между «научной истиной» и «ложной наукой», она непременно вносит вклад в борьбу классов, неизбежно становясь частью политической борьбы. Наиболее ярким примером, с его точки зрения, может служить такая социальная наука, как политология, которую Бурдьё классифицирует как ложную науку, предназначенную для производства и поддержания ложного сознания [Там же. С. 45].

Что касается используемого П. Бурдьё понятия «габитус», то его концептуальной основой является идея «двойного структурирования», согласно которой социальная действительность структурирована, с одной стороны, социальными отношениями, объективированными в свою очередь в распределении капиталов материального и нематериального характера, а с другой –

представлениями людей об окружающем мире и отношениях, которые оказывают обратное воздействие на социальную действительность. Это означает, что детерминация со стороны объективных структур, оказывающая воздействие на восприятие, мышление и практики, сосуществует наряду с детерминацией агентов, которым присуща активность, выступающая источником постоянных воздействий на социальную реальность. Отечественный исследователь Н. Шматко отмечает, что это выявленное Бурдые диалектическое единство вместе с тем не означает рядоположенность и равнозначность, а следует скорее говорить об иерархии указанных моментов как в генетическом, так и в структурном аспектах. В плане генезиса «субъективное структурирование социальной действительности есть всегда подчиненный момент», полагает Н. Шматко [3]. Являясь условием и предпосылкой осуществления субъективных практик, представленных восприятием, представлением, мышлением, действиями и коммуникациями, объективные структуры только тогда будут реализованы, когда интериоризируются и инкорпорируются субъектами, т.е. предстанут в форме габитуса.

Как отмечает П. Штомка, вопрос об отношении человека и различных структур является одним из центральных в проблематике современного социально-гуманитарного познания [4. С. 437]. Если представители классического подхода главное внимание уделяли надындивидуальным структурам, рассматривая человека как продукт социума, то позднее появилась идея о том, что социальные структуры есть результат взаимодействия людей, в процессе которого складываются образцы, нормы, правила и ценности. И если первый подход в социальной науке можно назвать дюркгеймовской перспективой, то основы второго были заложены М. Вебером. Бурдые же в своем творчестве совместил взгляды тех, кого традиционная теория противопоставляла друг другу, – Маркса, Дюркгейма и Вебера. Свою позицию – структуралистский конструктивизм – Бурдые определяет как соединение объективного и субъективного. Структурализм означает, что в социальном мире существуют независимые от воли и сознания индивида объективные структуры, формирующие представления и практики субъектов. Конструктивизм подчеркивает социальное происхождение схем восприятия, мышления и действия, называемые габитусом, и самих социальных структур, т.е. полей. Исходя из этого, Бурдые различает два момента в социальных исследованиях: объективистский – состоит в игнорировании субъективных представлений субъектов, образующих структурные принуждения и влияющих на взаимодействия, и субъективистский – означает, что субъективные представления были усвоены для сохранения объективных структур.

В современной науке вопрос о том, как создаются и формируются структуры, называется проблемой морфогенеза, и то, что прежде трактовалось как данное, теперь проблематизируется, и как следствие ключевое значение приобретает поиск посреднических механизмов между структурой и индивидом. Этот интерес к вопросу о взаимосвязи между структурой и действием, характерный для современных социальных теорий, профессор социологии Университета Уорвика Стив Фуллер назвал «помешательством» [5]. Предлагая свое решение данного вопроса, Бурдые утверждает, что разрабатываемая им теория практики отличается, во-первых, от объективизма, трактующего соци-

альный мир как спектакль, предложенный наблюдателю, занимающему особое положение в социальной структуре, что позволяет ему иметь свою точку зрения на происходящие действия и одновременно полагать, что его восприятие обусловлено исключительно познавательным интересом. Во-вторых, от субъективизма, исходящего из свободного выбора чистого предмета, ни с чем не связанного и не имеющего оснований [6. С. 101]. По мнению Бурдьё, истинной причиной исторического действия является не субъект, наделенный сознанием, и не вещи, под которыми понимаются социальные институты, а связь между этими двумя состояниями – полями и габитусом. Тем самым подчеркивается двойное движение – интериоризация внешнего и экстериоризация внутреннего. Габитус в этом контексте предстает как система диспозиций, своеобразная социальная структура нашей субъективности, означающая склонность воспринимать, чувствовать, мыслить и поступать таким образом, который чаще всего бессознательно усвоен индивидом в силу объективных условий его социальной траектории. Данные диспозиции, с одной стороны, могут изменяться под влиянием нашего опыта, с другой – являются устойчивыми, так как глубоко укоренены в нас и в силу этого способны сопротивляться изменениям, обеспечивая тем самым преемственность личности. Стремясь объединиться, диспозиции образуют систему, что позволяет субъекту избежать проблемы идентификации, являющейся актуальной в случае дробности и фрагментарности диспозиций. Объективно приспособленный для достижения результата *habitus* не предполагает сознательной нацеленности на результат, однако может сопровождаться стратегическим расчетом. На протяжении длительного времени *habitus* формируется возможностями и невозможностями, необходимостью и свободой, запретами и разрешениями. Как отмечает вслед за Бурдьё Ян Карле, некоторые социальные среды более активно, чем другие, формируют габитус, прежде всего речь идет об особенностях условий жизни в детстве. Именно поэтому основу габитуса отдельного человека составляет его социальное происхождение [7. С. 407]. Таким образом, Бурдьё различает первичный габитус, формирующийся через первый опыт, и вторичный, образующийся в результате пройденной социальной траектории субъекта, а также единичный и коллективный. Последнее означает, что индивидуальный габитус представляет собой комбинацию определенного разнообразия социального опыта и подобно компьютерной программе дает множество ответов на различные встречающиеся ситуации. Это значит, что, сталкиваясь со знакомыми ситуациями, габитус скорее всего будет себя производить, а при возникновении новых способен к инновациям. В результате наиболее невероятные практики исключаются как возможные, исходя из установленного порядка. Будучи продуктом истории, *habitus* производит коллективные и индивидуальные практики, придавая большое значение прошлому опыту, что обеспечивает его активное присутствие в настоящем, а также преемственность и регулярность. Одновременно *habitus* делает возможным свободное производство восприятий, действий и мыслей. Н. Шматко указывает, что используемое Бурдьё понятие «производство» аналитически указывает, что «любая практика агента есть действие над и с условиями / предпосылками (практики), влекущая за собой их изменение или воссоздание: практики производят / воспроизводят условия производства,

понимаемые как социальные отношения. Иными словами, помимо своего непосредственного результата (в случае интеллектуального и художественного производства речь идет о символической продукции), практики агентов производят и воспроизводят социальные отношения» [8].

Таким образом, обращение к концепту «габитус» обусловлено теми трудностями, которые испытывают социальные науки при установлении различного рода детерминизмов, что требует проводить различия между действиями, чья природа заключена в «агенте», и принципами, которые находятся вне его. Теории, которые апеллируют к социальным детерминизмам и механизмам, часто воспринимаются как отрицание такой реальности, как свобода личности, в то время как еще Г. Лейбниц не усматривал противоречия в том, что действие может быть совершенно свободным и одновременно детерминированным или необходимым. Понятие «габитус» призвано подчеркнуть, что субъект практики одновременно является и детерминированным, и действующим. Так, габитус не имеет исключительно ментальной природы, так как проявляет себя на уровне телесности. Когда социальный агент, в частности ученый, воплощающий истину, вписывается в социальный институт с соответствующими обязательствами и привилегиями, усиливающимися или подтверждающимися благодаря социальным процедурам, институционализируемая разница преобразуется в естественное различие, объективируя не только вещи, но и телесные практики в форме постоянной предрасположенности тела подчиняться и признавать требования поля. Интересным в этой связи представляется исследование Г.А. Тепер практик ношения врачебного халата как практик повседневности, позволяющих отличать врача от младшего медперсонала [9]. Однако габитус не является продуктом простого принуждения, так как Бурдье настаивает на творческом характере практик, управляемых габитусом. Изобретения и инновации совместимы в практике с подчинением и детерминацией двумя различными способами. В работе «Начала» он пишет: тот факт, что поведение агента выступает продуктом габитуса, не означает отрицание спонтанности его действия, если последнее является результатом диспозиции, заключенной в самом агенте, а не последствием внешнего принуждения. Импровизация возможна и необходима, так как правила содержат значительное пространство неопределенности, способность его использования в зависимости от обстоятельств. Но даже в том случае, когда правила носят характер каузального принуждения, они не столько принуждают, сколько ведут действие, т.е. направляют действие, но не производят его. Бурдье пишет: «...габитус устанавливает с социальным миром, продуктом которого он является, настоящее онтологическое соучастие, принцип знания без осознания, интенциональность без интенции и практического освоения регулярностей мира, позволяющий предвосхищать будущее без того, чтобы полагать его как таковое» [10. С. 22]. И жалеет, что к предложенному им подходу часто применяются оппозиции, которые он стремится преодолеть, – сознательное и бессознательное, детерминизм и свобода.

В интервью с П. Ламезоном, опубликованном в марте 1985 г., Бурдье указывает, что существующая оппозиция между исследованиями с целью понять, что представляют собой социальные связи, и исследованиями с целью построения теоретических моделей для объяснения данных связей маскирует

двойственность понятия «правило», когда под правилом, с одной стороны, понимается принцип юридического (или квазюридического) характера, усвоенный и реализованный индивидом, а с другой – совокупность объективных закономерностей, присущая исторически определенной социальной игре [11. С. 94]. Традиционная социальная наука, будучи не чувствительной к различиям, отождествляла эти два значения понятия «правило», и именно в силу этого почти неизбежного смешения, как полагает Ж. Бувресс, П. Бурдьё предпочитает использовать понятия «стратегии», «габитус» и «диспозиции» вместо термина «правило» [12. С. 227]. Как известно, именно Витгенштейн обратил внимание на то, что обучение игре может, с одной стороны, происходить путем формулирования и эксплицитного усвоения правила, с другой – с помощью практического владения игрой. Примером второго способа может выступать случай овладения языком. Отметим, что проблема следования правилу в отечественной философии применительно к аналитической традиции наиболее полно представлена в монографическом исследовании В.А. Ладова [13]. Существует также ситуация внешнего наблюдателя, который пытается объяснить игру, выдвигает собственную гипотезу о правилах. Подобный подход находит свое выражение в работах этнометодологов. То, что Бурдьё называет «практическим чувством игры», приобретает только посредством практики и выражается только в ней. Что же касается попыток их реконструировать, то здесь, как указывает Бувресс, могут быть выявлены две позиции [12]. Согласно первой практическое знание может быть реконструировано и выражено в эксплицитной форме системы правил. Вторая исходит из того, что некоторые практические навыки и способности, в силу своей сложности, не поддаются подобной реконструкции. Так, например, говоря о лингвистическом габитусе, можно выделить два случая: там, где «соглашение» о способах употребления первично, а языковой габитус вторичен, и более многочисленные случаи, когда соглашение есть способ обозначить уже приобретенные языковые габитусы [Там же. С. 244]. В целом принцип «следование правилу» носит характер парадокса и призван дискредитировать интеллектуалистскую установку, согласно которой применение правила является следствием его знания, и тем самым перенести проблему из интеллектуальной области в область действия.

Теория действия Бурдьё исходит из критики интеллектуалистского подхода, осуществляющего подмену практического отношения умозрительным, т.е. не учитывающего отношения самого действующего. Подобному теоретическому отношению к практике Бурдьё противопоставляет практическое отношение, различая позиции наблюдателя, рефлектирующего относительно действия, и действующего субъекта, «охваченного стихией действия», и утверждает существование практических логики и чувства, вписанных в движения тела действующего агента в определенных ситуациях. Практическое чувство как инструмент практической экономии является неотъемлемой частью габитуса и позволяет минимизировать энергию и рефлексию во время действия, что приводит к абсолютизации бессознательного. Однако такое радикальное противопоставление интеллектуалистской позиции исследователя и практического чувства действующего субъекта было подвергнуто критике, в частности со стороны Гарольда Гарфинкеля, которому игнорирование

рефлексивного момента в теории действия позволило классифицировать социальных агентов как «культурных идиотов». Сам Бурдьё признает определенное значение прагматической рефлексии, но лишь в кризисных ситуациях, когда рефлексивность действующего оказывается мотивированной, так как практическое чувство перестает быть само собой разумеющимся. К недостаткам теории Бурдьё представители этнометодологического подхода также относят невнимание к ситуации непосредственного взаимодействия, так называемого взаимодействия «лицом-к-лицу», которое в его концепции играет скорее пассивную роль в формировании социальной реальности. Действительно, отводя главную роль структурам, выраженным в телах, головах и институтах, Бурдьё редко описывает ситуации непосредственного взаимодействия, что позволяет критикам упрекать его в объективизме, несмотря на декларируемое желание его избежать.

Бурдьё связывает свои теоретические построения с эмпирическими исследованиями конкретных вопросов в работе «Homo Academicus», где анализирует предпосылки научного творчества, правила игры и социальные отношения в поле науки и доказывает, что для университета характерна конкуренция, организованная в соответствии с двумя принципами иерархии. Один из принципов представлен социальной иерархией и заключенными в ней экономическим и политическим капиталами, другой – в иерархии, соответствующей особому культурному капиталу (научному авторитету и интеллектуальному реноме). Опираясь на статистические методы, наблюдения и интервью, Бурдьё подробно разбирает формальные и неформальные коммуникации, процедуры получения званий и титулов, характер научных публикаций, отношения со средствами массовой информации. И порой делает «неприятные» выводы о том, что интеллектуальная и академическая сфера вопреки традиционным представлениям о ней отмечена не столько содержательными дискуссиями и открытым диалогом, сколько «ненаучными» практиками (сплетнями, властным интересом, соображениями карьеры). Одна из задач рассматриваемой работы – выявить причины академической революции во Франции 1968 г., которую принято описывать как конфликт между старшими преподавателями, воспитанными в условиях предшествующей системы и продолжающими работать без осознания необходимости ее защиты, и молодыми преподавателями, не готовыми «к уплате необходимых взносов» и объединившимися со студентами с тем, чтобы совершить революцию. Однако Бурдьё полагает, что действительный конфликт произошел между молодыми преподавателями: теми, кто был готов интериоризировать габитус старшего поколения и благодаря этому осуществить академическую карьеру, и теми, чьи карьерные планы были не значительны и которые в силу их структурной близости со студентами выступили инициаторами изменений. Они выступили вместе не сознательно, а в силу схождения их позиций и габитусов [14. Р. 99]. В целом работа об университетском поле в соответствии с интеллектуальной установкой, высказанной Бурдьё в предыдущих работах, представляет попытку объективировать тех, кто обычно сам объективирует. Выявляя образовательные институции, продуктом которых является сам ученый, Бурдьё подрывает веру во всемогущество когнитивного капитала, которым обладает ученый.

Французский исследователь Ф. Коркюф указывает, что впервые в систематическом виде «габитус» используется Бурдьё в послесловии к работе «Готическая архитектура и схоластическое мышление» историка искусства Эрвина Пановски, где Бурдьё отмечает напряжение, связанное с пониманием «габитуса» [15]. С одной стороны, габитус трактуется как коллективное и противопоставляется единичному, с другой – как единство индивидуального и коллективного. В то время как Бурдьё часто приписывают интерес к «социальным структурам» и их «воспроизводству», т.е. к коллективному, Ф. Коркюф ставит задачу выявить эвристические границы понятия «габитус» в отношении единичности. С этой целью традиционной трактовки единичности как уникальности он противопоставляет философские концептуализации единичного, когда единичность рассматривается сквозь призму понятия «идентичность». При этом Коркюф делает ссылку на Пола Рикера, который различал два полюса идентичности: «самость», указывающую на непрерывность свойств личности, определяемую понятием «характер» или «совокупность устойчивых диспозиций, по которым можно распознать личность», и «тожесть», являющуюся субъективной частью индивидуальной идентичности и связанную с ощущением индивидуумом своей непрерывности и целостности. Первая, как предполагает Коркюф, представляя собой объективную часть индивидуальной идентичности, в концепции Бурдьё связана с понятием «габитус» – системой устойчивых и переносимых диспозиций. Однако понятие «единичности» не исчерпывается двумя описанными измерениями, а может быть дополнено понятием «моменты субъективности», введенным Жослин Бенуас, акцентирующимся на «изменчивости» и «неопределенности» в отношении к другим и самому себе, что выражается в колебаниях и неуверенности действий [Там же. С. 268]. Выделенные концептуализации единичности служат ориентиром для переоценки вклада и границ проблематизации габитуса, что в свою очередь предполагает отказ от традиционных интерпретаций. Редкие комментарии к возможности использовать понятие «габитус» для выявления связей между коллективным и единичным позволяет Коркюфу вместо установки на игнорирование и отказ от тематизации единичности апеллировать к тем работам Бурдьё, где обращение к данной теме может оказаться эвристически полезным. Речь идет о работе «Практический смысл», позволяющей начать теоретическое исследование единичности, а также эмпирические исследования, посвященные творчеству Мартина Хайдеггера и Густава Флобера.

В целом Ф. Коркюф выделяет негативную и позитивную постановку вопроса о единичном, заключенную в понятие «габитус», где первая подразумевает критику иллюзии единичности, а вторая рассматривает то, к чему он отсылает, а именно возможность определять «габитус» как несводимую в каждом случае индивидуализацию коллективных схем [16. С. 42]. И если, как полагает Коркюф, интерпретация понятия «габитус» самого Бурдьё в большей степени содержит указание на целостность и постоянство личности, то новые перспективы в понимании прерывности и множественности, свойственной жизни индивида, открывают работы Франсуа Дюбе и близкие им позиции Алена Турена. Другим же способом сделать множественным подход к единичности, является подход, представленный прагматической социологией

Люка Болтански и Лорана Тевено. Предложенная ими концепция режимов действия признает, что каждый субъект наделен широким репертуаром, который должен рассматриваться не столько как система диспозиций, являющаяся детерминантой действия, а скорее как совокупность способностей и компетенций, актуализирующихся или нет в зависимости от ситуации, что и делает возможным множественность способов вступления в действие.

Что касается Алена Турена, то разрабатываемая им прагматическая концепция общества разрушает родившуюся в XVIII в. иллюзию о естественном или управляемом научным разумом обществе, а основной тезис гласит: период интеграции или ассимиляции сменяется возрастанием разнообразия и дезинтеграции [17. С. 55]. Современное общество скорее есть совокупность обычаев, привилегий и правил, против которых выступают субъекты, творческая способность которых направлена на разрушение прежнего единства общественной жизни. Турен ставит задачу придать новые смыслы традиционным категориям, а именно «историчности» и «институтам». Последние более не означают сложившегося социального порядка, а представлены субъектами институализации и механизмами, благодаря которым культурный капитал трансформируется в общественную практику. Работами же Люка Болтански и Лорана Тевено, как отмечает О.В. Хархордин, в социальной теории продолжают традиции Дюркгейма после Бурдьё. Осуществляя вслед за Джеймсом и Пирсом прагматический поворот, их исследования направлены на изучение не сущностей, а процессов. Болтански и Тевено ставят задачу выявить социогенез категорий, которые в трансцендентальной философии трактовались как встроенные в структуру сознания [18. С. 32]. Однако в отличие от Бурдьё, подвергнутого критике традиционные социологические подходы стратификации по образованию, доходу, отношению к власти и полагающего основанием классификации эмпирически регистрируемую схожесть вкусов, Болтански и Тевено исследуют не классификационные предпочтения, на которые обратил внимание Бурдьё, а сами реальные практики квалификации, что позволяет им поставить вопрос об основаниях отнесения того или иного индивида в теории Бурдьё к представителям габитуса определенной группы, так как сами участники исследований подобным образом себя не квалифицировали. Они обратили внимание на то, что сами квалификационные принципы, предложенные социологией в лице Бурдьё, должны быть осмыслены и открыто обсуждены. Из этого желания критически осмыслить программу Бурдьё происходят основные задачи исследований Болтански–Тевено. Свою работу они оценивают как направленную на построение исследовательской стратегии, которая позволила бы избежать альтернативы между формальным универсализмом и видом неограниченного плюрализма, который часто становится ответом эмпирических дисциплин на трансцендентальные позиции. Представление классической науки о том, что плюрализм ценностей есть следствие гетерогенности социальных групп, позволяет рассматривать проблему согласия, главным образом, сквозь призму господства, силы и власти. В то время как моральные концепции ориентированы на поиск универсальной процедуры, обеспечивающей основания консенсуса, и в этом качестве они могут быть эвристически полезными для адекватного анализа социальной реальности, Болтански и Тевено полагают, что «альтернативы между не-

ограниченным плюрализмом и формальным универсализмом можно избежать, приняв во внимание возможность ограниченного множества принципов эквивалентности, которые могут быть использованы для подкрепления критики и согласия» [19. С. 72].

Критической социологии П. Бурдьё Болтански и Тевено противопоставляют «социологию критических способностей», полагая, что если критика не является универсальным человеческим качеством, а присуща особым обществам и специфическим ситуациям, то социальная наука должна исследовать ее природу и формы применения. Подобно Бурдьё, Лоран Тевено рассматривает проблему возникновения и развития нового знания, получающего широкое признание, на примере гуманитарных наук. При этом он не просто сравнивает различные научные сферы и их конфигурации (соответствующие стандартам «нормализованных» научных дисциплин, революционных или еретических, а также представленных «прагматическим поворотом»), а рассматривает взаимоотношение между этими креативными конфигурациями и природой их продукта, где последний выступает как общее знание об управлении человеческим поведением. Что касается конфигурации, присущей творчеству самого Бурдьё, то она классифицируется Тевено как основанная на компромиссе двух порядков или режимов действия: вдохновенным и гражданским. И если первый позволил Бурдьё осуществить генерализацию единичного, одновременно сохранив его своеобразие, то второй связан с коллективной солидарностью во имя большего равенства для всех [20]. В целом же концепцию Бурдьё он оценивает как авангардное направление, основанное на авторитете мэтра.

К обстоятельствам, которые препятствуют распространению теории Бурдьё, французская исследовательница А. Боскетти относит необходимость крупных инвестиций – долгой и кропотливой работы, требующей широкой компетенции, с тем чтобы определить позиции субъекта в соответствующем пространстве, восстановить его происхождение и функционирование [21. С. 123]. Подобных воззрений придерживается отечественный исследователь Л.А. Микешина. Ссылаясь на подход, предложенный Бурдьё в связи с проблемой релятивизма, она полагает, что теория Бурдьё дает возможность избежать «исторического релятивизма, характерного для общественных наук. Эта возможность связана с принципом «двойной историзации» или «объективации», согласно которому сам исследователь должен осознавать свою историчность как принадлежность культурно-историческому контексту, чем часто пренебрегают. Подобная «объективация субъекта объективации» – сложная и трудоемкая работа по осуществлению рефлексии», так как «значительная часть нашего бессознательного есть не что иное, как история образовательных институций, продуктом которых мы являемся» [22. С. 415–416]. Это означает, что необходим анализ «всего универсума», формирующего наше мышление и практики. В отечественной традиции также следует отметить интерпретацию понятия «габитус», предложенную Г.Б. Гутнером, который описывает его «как систему форм коммуникативной деятельности» и относит к его основным дефинициям – форма, навык, действие и материя действия, которые характеризуются непрерывностью [23]. Задавая вопросы, основан ли габитус на врожденном знании или есть результат адаптации, носит ли он

рациональный или иррациональный характер, отечественный исследователь трактует его как результат адаптации, который в случае утраты своей естественности должен быть подвергнут рефлексивному анализу, эксплицитному описанию содержащихся в нем образцов и норм.

Итак, критическая установка Пьера Бурдьё включает задачу выявления условий существования и границ научного знания, так как научные понятия не являются надисторическими категориями, а представляют собой социально обусловленные способы постановки вопросов. Французского исследователя интересуют условия трансформации обыденного знания в научное, так как, отстаивая позицию «эпистемологического разрыва», он убежден в существовании зазора между действительностью и научным описанием, что делает необходимым изучение условий, при которых возникает и получает признание научная теория. Основная же идея теории Бурдьё состоит в том, что действие индивида всегда коллективно и социально, поскольку, существуя в различных социальных полях, индивид усваивает разные способы восприятия, мышления, оценивания и поведения, называемые им «габитусами». Эвристический потенциал концепции габитуса, предложенный Бурдьё, заключается, на наш взгляд, в следующем. Габитус указывает на единство практики и блага либо отдельного индивида либо какой-либо социальной группы и в этом смысле представляет собой целостное явление, без редуцирования к какой-либо диспозиции, подвижное единство восприятия, представления, мышления, оценивания, действия и коммуникации. А также на то, что поведение, будучи приобретенным, производит впечатление инстинктивного и, несмотря на то, что не содержит рефлексивного характера, приводит к результатам, которые можно было бы получить при помощи расчета. В этом смысле Бурдьё говорит об интуиции «практического чувства» как результате длительного занятия определенным видом деятельности. Будучи продуктом социальной истории, габитус есть механизм порождения практик, определяющийся через двуединый процесс интериоризации внешнего (индивидуализация коллективных схем) и экстериоризации внутреннего (объективация субъективного). В результате подчинение и детерминация совместимы в габитусе с инновациями и изобретениями. Кроме того, габитус выполняет функцию различения, что находит выражение как на уровне видения и делания, так и в лингвистических формах, что позволяет говорить о лингвистическом габитусе, а также функцию «посредника», обеспечивающего включение субъекта в социальные отношения и порождающего определенные практики. Габитус обладает предсказательной силой, так как может служить основанием предвидения, несмотря на то, что «его принципом не является правило или эксплицитный закон». И наконец, существование сходных габитусов является основанием солидарности социальных групп и объясняет феномен гармонизации социальных практик, образующих одновременно пространство выбора.

Литература

1. Бурдьё П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе: альманах Российско-французского центра социологии и философии

Института социологии Российской академии наук. М.: Праксис; Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 15–56.

2. *Habermas J.* Knowledge and Human Interests, trans J. Shapiro. London: Heinemann, 1971.

3. *Шматко Н.А.* «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, №2. С. 60–70. URL: <http://bourdieu.name/content/shmatko-na-gabitus-v-strukture-sociologicheskoy-teorii> (дата обращения: 12.04.21012).

4. *Штомка П.* Социология. Анализ современного общества: пер. с пол. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.

5. *Fuller S.* From Content to Context: A Social Epistemology of the Structure-Agency Craze. In Alan Sica (ed). What Is Social Theory // The Philosophical Debates. Oxford: Blackwell, 1998. P. 92–117.

6. *Бурдьё П.* Практический смысл: пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; отв. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

7. *Карле Я.* Пьер Бурдьё и воспроизводство классового общества // Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы: пер. со шв. СПб.: Нотабене, 1992. С. 375–414.

8. *Шматко Н.А.* Горизонты социоанализа // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/shmatko-gorizonty-socioanaliza> (дата обращения: 28.03.2012).

9. *Тенер Г.А.* Репрезентация образов врачей в отечественной культуре: между традицией и современностью // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 304–325.

10. *Бурдьё П.* Структура, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 16–31.

11. *Бурдьё П.* Начала. Choses dites: пер. с фр. Н.А. Шматко / P. Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987; М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

12. *Бувересс Ж.* Правила, диспозиции и габитус // Социоанализ Пьера Бурдьё: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук (отв. ред. Н.А. Шматко) М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 224–249.

13. *Ладов В.А.* Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 326 с.

14. *Bourdieu P.* Homo Academicus. Cambridge: Polity Press, 1988. 344 p.

15. *Коркюф Ф.* Коллективное в споре с единичным, отталкиваясь от габитуса // Социоанализ Пьера Бурдьё. 2000. С. 250–281.

16. *Коркюф Ф.* Новые социологии. СПб.: Алетейя, 2002. 172 с.

17. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерки социологии: пер. с фр. Е. Самарской. М., 1998. С. 55–58.

18. *Хорхордин О.В.* Прагматический поворот: социология Болтански–Тевено // Социологические исследования. 2003. № 29. С. 32–42.

19. *Болтански Л., Тевено Л.* Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 66–82.

20. *Тевено Л.* Институции и инновации // Новое литературное обозрение. 2006. №77. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/teve22-pr.html> (дата обращения: 4.04.2011).

21. *Боскетти А.* Социология литературы и достижение подхода Пьера Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII, № 5. С. 115–125.

22. *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 412–417.

23. *Гутнер Г.Б.* Следование правилу и габитус в описании коммуникативной деятельности // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 105–116.